

В. Сологуб

Тарантас

Путевые впечатления

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В. Сологуб
В11 Тарангас: Путевые впечатления / В. Сологуб – М.: Книга по Требованию, 2021. – 114 с.

ISBN 978-5-4241-1641-4

В повести Владимира Александровича Сологуба (1813—1882) "Тарангас" в форме путевых очерков даны меткие и острые зарисовки быта провинциальной Руси.

ISBN 978-5-4241-1641-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В. Сологуб, 2021

Соллогуб Владимир
Александрович
Тарантас
Путевые впечатления

Глава I

ВСТРЕЧА

Василий Иванович гулял однажды на Тверском бульваре.

Василий Иванович — казанский помещик лет пятидесяти, ростом небольшой, но такой дородности, что глядеть на него весело. Лицо у него широкое и красное, глаза маленькие и серые. Одет он по-помещичьи: на голове белая пуховая фуражка с длинным козырьком; фрак синий с светлыми пуговицами, сшитый еще в Казани кривым портным, которого вывеска уже сорок лет провозглашает «недавно приехавшим из Питербурха»; панталоны горохового цвета, приятно колеблющиеся живописными складками около сапог. Галстук с огромной пряжкой на затылке; на жилете бисерный шнурочек светлонебесного цвета.

Василий Иванович шел себе по Тверскому бульвару и довольно лукаво посмеивался при мысли о всех удовольствиях, которыми так расточительно изобилует Москва.

В самом деле, как подумаешь, Английский клуб. Немецкий клуб. Коммерческий клуб и все столы с картами, к которым можно присесть, чтоб посмотреть, как люди играют и большую и малую игру. А там лото, за которым сидят помещики, и бильярд с усатыми игроками и шутивными маркерами [Маркер (от франц. *marquer*) — служитель при бильярде]. Что за раздолье!.. А цыгане-то, а комедии-то, а медвежья травля медеьянскими мордашками у Рогожской заставы, а гулянье загородом, а театр-то, театр, где пляшут такие красавицы и ногами такие вензеля выделывают, что просто глазам не веришь. Тут Василий Иванович вспомнил про грозную и дородную супругу свою, оставленную за хозяйством в казанской деревне, и решительно улыбнулся с видом отчаянного повесы.

В это самое время на Тверском бульваре гулял также Иван Васильевич. Иван Васильевич-молодой человек, только что вернувшийся из-за границы. На нем английский макинтош без талии, панталоны его сшиты у Шевреля, палка, на которой он опирается, куплена у Вердье.

Волосы его обстрижены по вкусу средних зеков, а на подбородке еще видны остатки ужаснейшей бороды.

Прежде, когда русский молодой человек возвращался из Парижа, он привозил с собой наружность парикмахера, несколько ярких жилетов, несколько пошлых остроумий, разные несносные ужимки и нестерпимо решительное хвастовство. Благодаря бога, все это теперь вывелось. Но теперь другая крайность. Теперь молодежь наша прикидывается глубокомысленною, изучает политическую экономию, заботится о русской аристократии, хлопочет о государственном благе, и — как бы вы думали? — за границей делается она русскою, даже чересчур русскою, думает только о России, о величии России, о недостатках России, и возвращается на родину с каким-то странным восторгом, иногда смешным и неуместным, но по крайней мере извинительным и во всяком случае более похвальным, чем прежнее ничтожество. Достойный представитель юной Руси, Иван Васильевич объездил всю Европу, и, вникая в политическую болтовню перемешанных сословий, приглядываясь к мелким страстям, прикрытым громкими именами общей пользы, свободы и просвещения, он понял, как велика и прекрасна во многом его отчизна, и с того времени загорелась в нем жаркая, хотя бессознательная любовь к родине, и с того времени он начал гордиться

перед собой и перед целым светом тем, что он родился русским человеком. Независимо, впрочем, от этого чувства, наподобие прочих наших государственных юношей, привез он из-за границы горячий восторг к парижской опере и нежные воспоминания о парижских загородных балах.

Итак, Иван Васильевич шел по Тверскому бульвару, поглядывая с удивлением на яркие наряды московских щеголих, на фантастические ливреи их небритых лакеев и напевая про себя «Nel furor della tempesta» [«В ярости бури» (итал.)], арию чудесную из беллиниевской оперы «i Pirata» [«Пират» (шпал.)]. «Господи боже мой, — думал он, — как жаль, что так мало здесь движения и жизни... Nel furor... То ли дело-Париж... della tempesta. Ах, Париж, Париж! Где твои гризетки, твои театры и балы Мюзара... Nel furor... Как вспомнишь: Лаблаш, Гризи, Фанни Эльслер, а здесь только что спрашивают, какой у тебя чин. Скажешь: губернский секретарь-никто на тебя и смотреть не хочет... della tempesta!»

В эту минуту загляделся он на странную громаду в белой фуражке, в гороховых занавесках около ног, которая катилась к нему навстречу. Красный улыбающийся лик показался ему знакомым. «Ба! Да это Василий Иванович, подумал он, — сосед наш по казанской деревне.

Деревня у него Мордасы. Триста душ! Хороший хозяин.

Бойтся жены. На именинных обедах бывает навеселе и поет тогда русские песни, а иногда и приплясывает. Он, верно, видел батюшку».

— Здравствуйте, Василий Иванович, — учтиво сказал, кивая головой, молодой человек. Василий Иванович остановился и с недоверчивостью на него поглядел.

— Ба, ба, ба, — заревел он, наконец, громовым голосом. — Ба, ба, ба, Ваня, Ванюша, Ванечка... Какими судьбами? — И, схватив испуганного щеголя огромными лапами, Василий Иванович начал душить его увесистыми поцелуями, не обращая внимания на толпу гуляющих зевак.

— Ну, брат, каким же ты чучелой выглядишь. Повернись-ка, пожалуйста, И еще... Вот эндак. Что это, мода у вас, что ли? Ни дать ни взять куль, куда муку ссыпают.

Хорош, брат! Очень хорош. Откуда ты?

— Я был за границей,

— Вот-с! А где, коль смею спросить?

— В Париже шесть месяцев.

— Так-с.

— В Германии, в Италии...

— Да, да, да... Хорошо... а коли смею спросить, много деньжонок изволил порастрастя?

— Как-с?

— Много ли, брат, промотыжнчал?..

— Довольно-с.

— То-то... а батюшка-то твой, мой сосед, что скажет на это? Ведь старики-то не очень сговорчивы на детское мотовство... Да и года-то плохие. Ты, чай, слышал, что у батюшки всю гречиху градом побило?

— Батюшка писал-с — я сам к нему теперь собираюсь.

— Хорошее дело старика утешить. А... смею спросить, какого чина?

«Так и есть», — подумал молодой человек. — Двенадцатого класса, отвечал

он запинаясь.

— Гм... не важно... а уж в отставке, чай?

— В отставке.

— То-то же. Вы, молодые люди, вбили себе в голову, что надо пренебрегать службой. Умны слишком, изволите видеть, стали. А теперь, коли смею спросить, что вы намерены делать-с... Ась?..

— Да я бы хотел, Василий Иванович, посмотреть на Россию, познакомиться с ней.

— Как-с?

— Я хотел бы изучить свою родину.

— Что, что, что?..

— Я намерен изучить свою родину.

— Позвольте, я не понимаю... Вы хотите изучать?..

— Изучать мою родину... изучать Россию.

— А как это вы, багюшка, будете изучать Россию?..

— Да в двух видах... в отношении ее древности и в отношении ее народности, что, впрочем, тесно связано между собой. Разбирая наши памятники, наши поверья и преданья, прислушиваясь ко всем отголоскам нашей старины, мне удастся... виноват, нам удастся... мы, товарищи и я..

Мы дойдем до познания народного духа, нрава и требования и будем знать, из какого источника должно возникать наше народное просвещение, пользуясь примером Европы, но не принимая его за образец.

— По-моему, — сказал Василий Иванович, — я нашел тебе самое лучшее средство изучать Россию — жениться.

Брось пустые слова, да поедем-ка, брат, в Казань. Чин у тебя небольшой, однакож офицерский. Имение у вас дворянское. Партию ты легко найдешь. На невест у нас, слава богу, урожай... Женись-ка, право, да ступай жить с стариком. Пора и об нем подумать. Эх, брат, право-ну! Ты ведь думаешь, в деревне скучно? Ничуть. Поутру в поле, а там закусить, да пообедать, да выспаться, а там к соседям... А именины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... А?.. Житье, брат... что твой Париж. Да главное, как заведутся у тебя ребятишки, да родится у тебя рожь сам-восем, да на гумне столько хлеба наберется, что не успеешь молотить, а в кармане столько целковых, что не сочтешь, так, по-моему, ты славно будешь знать Россию. А?..

— Конечно, — сказал Иван Васильевич. — Оно бы недурно.

— Знаешь что? Ты в Казань едешь?

— В Казань.

— Когда?

— Да чем скорее, тем лучше.

— Прекрасно... А в чем коли смею спросить?..

— Я еще сам не знаю.

— У тебя ведь нет экипажа?

— Никак нет-с.

— Бесподобно! Мы поедем вместе.

— Как-с?

— Мы вместе поедем. Я отвезу тебя к старику... У тебя ведь, чай, лишних деньжонок нет?

— Помилуйте... я не понимаю..
— Полно важничать... Говори правду...
— Я точно немного стеснен теперь.
— Ну, ну, ну... вот видишь. Давно бы так... Я отвезу тебя, а с отцом мы сочтемся...

— Позвольте...
— Что еще?
— Мне совестно-с.
— Вот вздор какой. Мы, батюшка, люди русские. Перестань, брат, франтить. Со мной без церемонии. По рукам, что ли?..

— Я очень буду вам обязан.
— Ну и хорошо, и прекрасно! А послушан-ка, знаешь ли, в чем мы поедем?
А?

— В карсте?
— Нет.
— В коляске?
— Нет.
— В бричке?
— И нет.
— В кибитке?
— Вовсе нет.
— Так в чем же?
Тут Василий Иванович лукаво улыбнулся и провозгласил торжественно:
— В тарантасе!

Глава II

ОТЪЕЗД

Несколько дней спустя на Собачьей площадке в маленьком деревянном домике происходила необыкновенная суматоха. На дворе ямщик хлопотал около почтовых лошадей. По лестнице бегали и суетились служанки. В комнатах по полу валялись чемоданы, ящики, веревки, сено и всякая дрянь. В мезонине Василий Иванович стоял перед зеркалом и приготавливался к дороге.

Огромный вязаный шарф с радужными отливами, драгоценный признак супружеского долготерпения, обвязывал его мощную шею. На ногах натянуты были белые кеньги, а на туловище мохнатый ергак с шерстью снаружи придавал Василию Ивановичу красоту гомерическую. — По обеим сторонам его почтительно стояли хозяин дома с рукой за пазухой и хозяйка, толстая купчиха, с пирогом, испеченным для дороги, и оба кланялись тучному помещику, приговаривая с разными ужимками:

— Позвольте проводить вашу милость... и пожелать вам всякого благополучия. Просим покорнейше... покорнейше просим принять хлеб-соль нашу на дорогу. Чем бог послал. Просим не побрезгать, а кушать на здоровье.

Путем может пригодиться. Коли бог приведет вашу милость в Москву обратно, нижайше просим нас не обидеть, не проезжать мимо кашей фатеры. Мы, признательно сказать, таким особам очень, по искренности, ради. Покорнейше просим.

— Спасибо, хозяин, — отвечал благосклонно Василий Иванович, — спасибо, хозяйшка. Буду вас помнить и добром помянуть. Эй, Сенька! Возьми пирог да уложи хорошенько в ноги, слышишь ли? Авось бог опять приведет свидеться... Смотри, чтоб не искрошился... Мы жили с вами дружно... Тебе, каналья, все равно.

Василий Иванович положил книжник в боковой карман вместе с подорожной, кошелек в шаровары, подвязал ергак кушаком и, перекрестившись пред образом, немного посидев и трижды обнявшись и с хозяином и с хозяйкой, вышел на двор для последних путевых приготовлений.

На дворе во всей степной красоте своей рисовался тарантас.

Но что за тарантас, что за удивительное изобретение ума человеческого!..

Вообразите два длинные теста, две параллельные дубины, неизмеримые и бесконечные. Посреди их как будто брошена нечаянно огромная корзина, округленная по бокам, как исполинский кубок, как чаша прсждепотопных обедов. На концах дубин приделаны колеса, и все это странное создание кажется издали каким то диким порождением фантастического мира, чем-то средним между стрекозой и кибиткой. Но что сказать об искусстве, с которым тарантас в несколько минут вдруг исчез под сундучками, чемоданчиками, ящичками, коробками, коробочками, корзинками, бочонками и всякой всячиной всех родов и видов. Во-первых, в выдолбленном сосуде не было сидения: огромная перина ввалилась в пропасть и сровняла свои верхние затрапезные полосы с краями отвислых боков. Потом семь пуховых подушек в ситцевых наволочках, нарочно темного цвета для дорожной грязи, возвысились пирамидой на мягком своем основании. В ногах поставлен в рогожном куле дорожный пирог, фляжка с анисовой водкой, разные жареные птицы, завернутые в серой бумаге, вагрушки,

ветчина, белые хлебы, калачи и так называемый погребец, неизбежный спутник всякого степного помещика. Этот погребец, обитый снаружи тюленьей шкурой щетиной вверх, перетянутый жестяными обручами, заключает в себе целый чайный прибор, изобретение, без сомнения, полезное, но вовсе не замысловатой отделки.

Откройте его: под крышкой поднос, а на подносе перед вами красуется спящая под деревом невинная пастушка, борзо очерченная в трех розовых пятнах решительным взмахом кисти базарного живописца. В ларце, внутри обклеенном обойной бумагой, чинно стоит чайник грязнобелого цвета с золотым ободочком; к нему соседятся стеклянный графин с чаем, другой подобный ему с ромом, два стакана, молочник и мелкие принадлежности чайного удовольствия. Впрочем, русский погребец вполне заслуживает наше уважение. Он один у нас среди общих перемен и усовершенствований не изменил своего первообразного типа, не увлекся приманками обманчивой красоты, а равнодушно и неприкосновенно прошел через все перевороты времени... Вот каков русский погребец! Кругом всего тарантаса нанизаны кульки и картоны. В одном из них чепчик и пунцовый тюрбан с Кузнецкого моста от мадам Лебур для супруги Василия Ивановича; в других детские книги, куклы и игрушки для детей Василия Ивановича и сверх того две лампы для дома, несколько посуды для кухни и даже несколько колониальных провизии для стола Василия Ивановича: все купленное по данному из деревни реестру. Наконец, сзади три чудовищные чемодана, набитые всяким хламом и перетянутые веревками, возвышаются люксорским обелиском [Люксорский (люксорский) обелиск-древнеегипетское монументальное сооружение, прославившееся своей высотой.] на задней части нашей путевой колесницы.

Рыжий ямщик начал с недовольным видом впрягать в тарантас трех чахлых лошадей.

В эту минуту въехал на двор на извозчике Иван Васильевич. Воротник его макинтоша был поднят выше ушей, подмышкой был у него небольшой чемоданчик, а в руках держал он шелковый зонтик, дорожный мешок с стальным замочком и прекрасно переплетенную в коричневый сафьян книгу со стальными стежками и тонко очиненым карандашом.

— А, Иван Васильевич! — сказал Василий Иванович. — Пора, батюшка. Да где же кладь твоя?

— У меня ничего нет больше с собой.

— Эва. Да ты, брат, этак в мешке-то своем замерзнешь. Хорошо, что у меня есть лишний тулупчик на заячем меху. Да бишь, скажи, пожалуйста, что под тебя подложить, перину или тюфяк?

— Как? — с ужасом спросил Иван Васильевич.

— Я у тебя спрашиваю, что ты больше любишь, тюфяк или перину?

Иван Васильевич готов был бежать и с отчаянием поглядывал со стороны на сторону. Ему казалось, что вся Европа увидит его в тулупе, в перине и в тарантасе.

— Ну, что же? — спросил Василий Иванович.

Иван Васильевич собрался с духом.

— Тюфяк! — сказал он едва внятно.

— Ну, хорошо. Сенька, подложи ему тюфячок да пошевеливайся, олух!

Сенька в нагольном тулупе принялся снова за свою циклопическую работу

[Циклопическая работа — огромный, исполинский труд.]

Василий Иванович продолжал с довольной улыбкой:

— А каков тарантасик-то? Ась?.. Сушья колыбель! Не опрокинетесь никогда, и чинить нигде не надо, не то что ваши рессорные экипажи: что шаг, то починка. А мягко-то, как словно в кровати. Знай только переваливайся себе с бока на бок, завернись потеплее, да и спи себе хоть всю дорогу.

Иван Васильевич глядел довольно грустно на своего спутника, нимало не убеждаясь в возможности предстоящих наслаждений. Но делать было ему нечего. Попромотавшись, как следует русскому человеку, за границей, он, если говорить правду, точно не знал, как добраться до отцовской деревни.

И вот открывался ему прекрасный случай. Василий Иванович, приятель его отца, отвозил его в долг.

Дорогой же он может изучать свою родину. Все б.ч хорошо. Но эта неблагородная перина, но эти ситцевые подушки, но этот ужасный тарантас!..

Иван Васильевич тяжело вздохнул и глухо примолвил в припев:

— «Nel furor della tempesta»... Пора бы ехать...

И точно, пора. Лошади готовы. Кругом тарантаса суетятся хозяева, сидельцы и служанки. Все и помогают, и кланяются, и желают счастливой дороги. Василий Иванович, при общем пособии, подталкиваний и подпихивании, вскарабкался, наконец, на свое место и опустился па перину. За ним влез Иван Васильевич и утонул в подушках. Сенька сел подле кучера.

— Ну, готово?

— Готово.

— Ну, смотри же, разбирать дорогу. Под гору сдерживать лошадей. Не скакать и не останавливаться, а ехать рысью... шаг, шаг, шаг... Сенька, не дремать на козлах.

Слышишь ли, чучело? Как раз свалишься. Ну, с богом, в добрый час, в архангельский... Пошел!..

Тарантас пошатнулся и поплелся себе, переваливаясь грузно с бока на бок...

— Прощайте, хозяева.

— Прощайте, батюшка, Василий Иванович... Просим не забывать. Покорнейше просим.

И хозяева, и сидельцы, и служанки, все высыпало за ворота поглазеть вослед тарантасу до того времени, пока он не скрылся, наконец, из вида. И покатился тарантас по Москве белокаменной и ни в ком не возбудил удивления. А было чему подивиться, глядя на уродливую колымагу с подушками, на которой лежал мохнатый помещик, подобно изнеженному медведю; немалого удивления заслуживал и торчащий подле него фантик в макинтоше и с недовольной физиономией, да в своем роде не менее замечателен был на козлах и Сенька в бараньей шкуре, словно дикарь ледовитых пустынь. Все это в других краях возбудило бы непременно общее любопытство. Но в Москве проходящие, привыкнув к подобным картинам, не обращали на тарантас ни малейшего внимания. Одни лишь различные мальчишки, дергая друг друга за кафтаны, говорили между собой михоходом:

— Вишь какой-то едет помещик. Эж его раздуло!

Глава III

НАЧАЛО ПУТЕВЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Когда путешественники выехали за заставу, между ними завязался разговор.

— Василий Иванович!

— Что, батюшка?

— Знаете ли, о чем я думаю?

— Нет, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что так как мы собиаемся теперь путешествовать...

— Что, что, батюшка... Какое путешествие?

— Да ведь мы теперь путешествуем.

— Пет, Иван Васильевич, совсем нет. Мы просто едем из Москвы в Мордасы, через Казань.

— Ну, да ведь это тоже путешествие.

— Какое, батюшка, путешествие. Путешествуют там за границей, в Неметчине; а мы что за путешественники?

Просто — дворяне, едем себе в деревню.

— Ну, да все равно. Так как мы отправляемся теперь в дорогу...

— А, вот это, пожалуй.

— То мне кажется, что я могу употребить время... нашего, как бы сказать... поезда с пользой.

— А с какой же, батюшка, пользой? Ума не приложу.

— Извольте видеть: за границей теперь мода издавать свои путевые впечатления. Тут помещается всякая всячина. Где ночевал, кого видел, что понял и что угадал, наблюдения о нравах, о просвещении, о степени искусств, о движении торговли, о древностях и о современности, одним словом, о целом быте народном. Потом все это собирается и печатается под названием путевых впечатлений.

— Вот-с.

— К сожалению, эти впечатления не всегда носят отпечаток истины и оттого теряют свое достоинство. К тому же все, что можно было сказать о западных государствах, пересказано и перепечатано. Заключение сделаны, мнения определены. Наблюдателю негде разгуляться.

— К чему же вы, батюшка мой, речь эту ведете?

— Вот к чему. Путевые впечатления за границей никому не нужны, потому что нового в них ничего быть не может. Но путевые впечатления в России могут много явить любопытного, в особенности если они будут руководствоваться одной истиной. Подумайте, какое обильное поле для изысканий: изучение древних памятников, изучение русского быта, подробное изучение нашей прекрасной, нашей великой и святой родины. Вы меня понимаете?..

— Нет, брат. Ты все такое мелешь странное.

— Моя надежда, мое желание, моя цель, — продолжал, воспламеняясь, Иван Васильевич, — сделаться хоть чемнибудь полезным для моих соотечественников. Вот для него, Василий Иванович, я хочу записывать все, что буду видеть: буду записывать, не мудрствуя лукаво, а придерживаясь только правды, одной правды. Со мной дорожная чернилица и толстая тетрадь бумаги, — прибавил он торжественно, указывая на величественную книгу, которая покоилась у него на коленях.